

*Инна
Баринская*

Читайте романы Инны Бачинской в серии

Детектив сильных страстей

Две половинки райского яблока
Мужчины любят грешниц
Любимая игрушка Создателя

Сериал «Детективный триумвират»
Лучшие уходят первыми
Убийца манекенов
Бородавки святого Джона
Шаги по воде
Лев с ножом в сердце
Свой ключ от чужой двери
Вторая невеста
Девушка сбитого летчика
Ищи, кому выгодно
Потревоженный демон
Стеклянные куклы
Пепел сердца

Сериал «Дикие лебеди»
Магия имени
Голос ангельских труб
Танец на тлеющих углях
Поджигательница звезд
Ритуал прощения врага
Знак с той стороны

Сериал «Королевская охота»
Японский парфюмер
Два путника в ночи
Дом с химерами
Темный ангел одиночества

Сериал «Бюро случайных находок»
Ошибка бога времени
Маятник судьбы
Конец земной истории
Тринадцать ведьм

*Минна
Бачинская*

Любимая игрушка
Создателя

Москва

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б 32

Оформление серии А. Саукова

Бачинская, Инна Юрьевна.

Б32 Любимая игрушка Создателя : [роман] / Инна Бачинская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Детектив сильных страстей).

ISBN 978-5-699-93899-5

Марго никогда не знала своих родителей, ее удочерила повариха детского дома. Вероятно, это и повлияло на ее характер: Марго выросла «казановой в юбке» — легко закручивала романы, получала от них выгоду и так же легко уходила в никуда. Иногда она действовала элегантно, оставляя приятные воспоминания о своих шалостях, а могла и запросто ограбить любовника. Но однажды Марго доигралась: ее узнал один из пострадавших от ее чар и вместе с двумя друзьями решил расправиться с девушкой... Спас ее мужчина, назвавшийся Александром. Он попросил помочь в одном деле: украсть ребенка у человека, который задолжал ему денег. Марго согласилась...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93899-5

© Бачинская И.Ю., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Ни один человек никогда не был самим собой целиком и полностью; каждый тем не менее стремится к этому, один глухо, другой отчетливей, каждый как может. Каждый несет с собой до конца оставшееся от его рождения, слизь и яичную скорлупу некоей первобытности. Иной так и не становится человеком... Но каждый — это бросок природы в сторону человека.

Герман Гессе. Демьян

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями случайно и непреднамеренно.

Автор

Пролог

Весна в том памятном году выдалась ранняя. Лед на реках вскрылся уже в начале февраля. В начале марта ожили деревья, а в апреле зацвели сады, и столбик термометра взлетел кверху и заколебался между двадцатью пятью и тридцатью по Цельсию.

Почему памятный? И кому? Памятный человечеству, разумеется, извините за громогласность и сомнительность утверждения, потому как кто же может судить, находясь в непосредственной близости от события, что останется в памяти, а что нет, и, главное, кто судьи?

Но тем не менее, тем не менее... Главное, ожидаемое с нетерпением событие года — намеченная на апрель пресс-конференция одиозной личности, международного террориста и плейбоя Йоханна Фрауэнхофера, обвиняемого в умышлении и физическом устранении ряда известных политиков и бизнесменов, торговле оружием, наркотиками и людьми. Был он также замешан в ряде шпионских скандалов.

Йоханн Фрауэнхофер дает пресс-конференцию не по собственной воле, а по требованию международной общечеловеческой организации, ряда неправительственных организаций и Международного союза журналистов, будучи подсудимым Гаагского трибунала. Хотя не факт, что человек этот упустит возможность покрасоваться перед камерами, оттягиваясь за годы неизвестности и подполья.

Подлинное имя этого человека не известно никому, равно как и биография. Никто не знает, в какой стране он родился, когда, кем были его родители. Никто не имеет понятия, какую он посещал школу, верит ли в Бога, женат ли. Никому не известен даже его подлинный возраст. Судя по фотографиям, ему около пятидесяти. Йоханн Фрауэнхофер, улыбаясь, смотрит в объектив с первых страниц газет: подняв руки, приветствует читателей и заодно демонстрирует наручники. Светлоглазый блондин с загорелым лицом любителя гольфа. С чувством юмора. Оптимист. Чувствуется, что верит в свою звезду. Невольно вызывает симпатии читателей и зрителей, с нетерпением ожидающих зрелища, вместо ожидаемых отвращения и страха. Что напоминает бесконечную классическую голливудскую сагу — хороший преступник против плохого полицейского.

Преступления Йоханна Фрауэнхофера не подлежат юрисдикции Гаагского трибунала, но какой еще суд может похвастаться кристальной чистотой рядов и неподкупностью судий? И мастерством прокурора? Существовало вполне обоснованное опасение, что связи Йоханна тянутся ко многим международным фигурам, которые сейчас чувствуют себя довольно неуютно и могут предпринять попытки подкупа судейских, а также не остановятся перед физическим устранением подсудимого.

Для проведения исторической конференции была выбрана столица небольшой европейской страны, и резвые акробаты-журналисты со всех уголков планеты уже примчались на точку, расселились по многочисленным гостиницам и стали борзо наговаривать на магнитофоны километры пленки, нагнетая обстановку, со вкусом предвкушая разрушения репутации публичных людей, замешанных в скандальных связях с фигурантом, гадая на кофейной гуще, кто есть кто, и вешая на подсудимого все политические убийства за последнее десятилетие.

А также заключали пари с коллегами о шансах террориста дожить до суда.

Любимая игрушка Создателя

Мир замер перед очередным политическим суперскандалом. Права на показ пресс-конференции купили две ведущие международные телекомпании, два хищных мировых гиганта, две акулы, к которым, как рыбы-прилипалы, прилепились компании поменьше. Избранный город был наводнен полицией и агентами секретных служб не только Европы, но и обеих Америк. Никто не знал толком, где в данный момент находится Йоханн Фрауэнхофер — в гаагской ли тюрьме или уже здесь, отдыхает в местной. Кто-то пустил слух, ссылаясь на самые достоверные источники *там* (конспиративный шепот и приподнятая многозначительно бровь), что его поселили в отеле «Континенталь» под неусыпной охраной, и ретивая братия массмедиа немедленно поскакала к отелю и взяла его в осаду...

Часть первая

Умение читать знаки

Глава 1

Свидетель

Старик был неопрятен и болтлив. Годы одиночества превратили его в отшельника. Он устал от молчания. Он давился мясом, роняя на грудь крошки, жадно заталкивал в рот куски хлеба, запивал чаем. Руки его заметно дрожали. Взгляд из-под косматых бровей был дик. Он перескакивал с темы на тему и заикался от возбуждения. Лицо покрылось красными пятнами. Он опьянел не только от водки, но и от присутствия благодарного слушателя. Отводил душу, выплескивая всю накопившуюся там муть. Гость слушал не перебивая и почти не задавал вопросов. Старика не нужно было понукать, со злобной радостью он выкрикивал случайному человеку свои обиды, претензии, разочарования. На государство, местные власти, соседей — алкоголиков и наркоманов. Впервые за долгие годы у него появился слушатель, и он весь отдался пиршеству плоти и духа.

— Кинули! Кинули нас всех! Мы жизни ложили, в огонь и воду, а теперь пенсия курам на смех! А эти... выродки! — кричал он силным шепотом, и непрожеванные куски падали изо рта. — Ты попробуй давай, послужи, режимный объект, закрытая зона, вы такого в жизни и не нюхали, я с тех пор спать перестал, не поверишь! Лежу ночью, вспоминаю, заснуть не могу, сердце так и ноет, так и ноет, как на беду. И не хочу, а вспоминаю, прости господи! Отродье, а не люди. Нелюдь! Они же тебя выворачивали наизнанку, как поганую шукуру, влазили в душу, они же все про тебя знали. Все!

Любимая игрушка Создателя

Он мучительно закашлялся. Гость подтолкнул стакан с водкой. Старик выпил залпом, благодарно кивнул.

— Было кое-что, я не писал в анкете, — сказал доверительно. — Сам понимаешь, секретный объект, оборонка, там это строго... — Старик смотрит на незнакомца выпученными глазами, конспиративно придвигается лицом к его лицу, пугаясь собственной смелости, но остановиться уже не может. — Так эта паршивка Мария уставилась однажды своими черными глазищами, аж, поверишь, мороз по коже, руки сложила за спиной, ногу за ногу завернула, стоит передо мной, как сейчас помню, и спрашивает: «А где твой брат, Сторож?» Меня как варом обдало — ни одна живая душа не знала, что у меня был сводный брат, ушел с немцами. Я-то и не видел ни разу этого самого брата, да и фамилия была другая. Это сейчас можно что ни попадя и по телевизору, и по радио, и совершенно секретное, а тогда анкета — самое ценное, что у человека было за душой. Жизнь зависела от анкеты, работа, все! Жизнь зависела. А больше ничего и не было.

Ну и говорит она мне, эта паршивка Мария, — а где твой брат, Сторож? Сторож — это я, там имен не было, а только номера и клички. Я так и обомлел весь, а сам глазом повел — нет ли кого рядом. А она, эта сучка малая, нелюдь, почуяла, говорит, не бойся, Сторож, я никому не скажу! И руку положила мне на рукав, и в глаза смотрит своими зенками, а меня такой страх взял, не передать. Ну, я руку выпростал, сделал вид, что ничего не понял, отвечаю, иди в класс, Мария, иди уроки делай, нечего тебе тут без дела болтаться...

Старик молчит недолго, смотрит в стол, словно вызывая в памяти прошлое. Гость тоже молчит. Старик продолжает:

— Они при деле были с утра до вечера, то уроки с Учителем, то в лаборатории, на них все время опыты ставили как на зверях. Звери и были бездушные. Хоть и без души, а запросто человеку в душу влазили. И Хозяйка их боялась до дрожи, иногда перекинемся парой слов — там с этим тоже строго было. Боялась и ушла бы, да уходить тоже боялась, да

и деньги немалые. И паек. Ничего не скажу, грех жаловаться. Платили по-божески, со счетов не скинешь. Говорила, аж в ногах слабость, как зыркнет кто из них. Даже, когда просто рядом, говорит, аж плохо делается, руки-ноги отнимаются. Как сказала она про это, тут меня сразу как долбанет по башке — а ведь правда! Неможется мне, когда они рядом, хотя на здоровье никогда не жаловался. Слабость наваливает и такая тоска смертная, хоть волком вой. И в глаза им не смотрю, говорит Хозяйка, а ну как сглазят! Хорошая была женщина...

Старик задумывается. Гость снова наливает водку в нечистый граненый стакан. Старик благодарно смотрит на него. Он еще больше опьянел, красные пятна на покрытых мхом серых щеках превратились в малиновые. Он опрокидывает стакан, крикает довольно. Занюхивает хлебом, сует в рот кусок мяса.

— А ты из какой же газеты будешь? А то сейчас развелось их как поганок. Желтая пресса, в руки брать противно. Никто не следит, никому не надо. Я много чего знаю, много чего! Про такое и говорить страшно, — последние слова он шепчет. — И не говорят про это никогда, ни гугу, про все можно — и про политиков, и про... коррупцию, и всякие разоблачения, а про *это* — молчок, как и не было.

Он прикладывает корявый палец к губам, выразительно смотрит на гостя. Ему приятно, что тот слушает внимательно, с уважением, не то что... — Не пришло время, — шепчет он, — и никогда не придет. Есть такие государственные секреты, про которые знают... кому надо, раз-два и обчелся. Это все, что в телевизоре, это так, мелочовка, фуфлю. Про наш объект никто и никогда... Ты первый!

Речь его становится все менее связной, он теряет мысль и повторяется. Гость — молодой человек в темном плаще, который он так и не снял, внимательно слушает. Старику, подозрительному и недоверчивому, уже кажется, что они старые добрые друзья, он кладет руку на плечо молодого человека... как его? Старик бессмысленно смотрит на гостя, вспоминая,

Любимая игрушка Создателя

как того зовут. Память ни к черту. Сказал, из газеты, показал удостоверение... Страшно! Тогда было страшно, сейчас тоже страшно. Что за жизнь проклятая! А он говорит — вы на своих плечах, не жалея живота, видел, говорит, материалы, теперь разыскиваю участников, веду журналистское расследование. А только где ж он мог видеть те материалы? Поди, запечатаны глубоко в секретных архивах без срока давности.

— Их четверо было в нашем корпусе, выродков, — говорит он. — Трое мальцов и девка. Хозяйка говорила, вроде как были еще корпуса, но я не видел, врать не буду. Она рассказывала, подслушала — Учитель докладывал Главному, что вроде как поразительных результатов достигли в науках, в математике и в других. А ведь им было лет по пять, ну, по шесть от силы, не больше. И вроде как родные были. Братья и сестра. И еще говорила, что Главный вроде как отец им. Уж не знаю, как и что у них там было, а только, может, и правда. Уж очень похожи были на него, а между собой — просто не отличить. Копия. А с другой стороны, какой отец на такое пойдет? Их же каждый день водили на опыты, проходами опутывали, записывали, изучали. Я ночью проверял спальни — они кричали во сне и дергались, как от боли, аж оторопь брала. Постою на пороге, постою да и пойду себе. Дверь закрою, чтобы не слышать, чай из термоса налью, перекушу. Так ночь и проходит.

А днем полегше было, люди приходили. Хозяйка, хорошая женщина, у нас с ней вроде как отношения намечались, да страшно было, этого вроде как нельзя было. Никаких личных отношений...

А один, уже и не помню который, они ж все одинаковые были, говорит однажды: «Сторож, замри!» И смотрит, лыбится, выродок, глаза страшные, а я не могу ни рукой шевельнуть, ни ногой, тяжесть такая навалилась, не передать. Тяжесть и тоска смертная, ну, все, думаю, кранты. Сейчас паралик хватит, и готов. А он смотрит так жадно, аж рот раскрыл, интересно гаденьшу, что здоровый мужик... а я здоро-

вый был, в теле, не то что сейчас... что здоровый мужик чуть не сомлел от такого шибздика. Потом засмеялся и говорит: «Отомри!» И побежал прочь. А я, как мешок, свалился на пол. Не сказал никому, побоялся, подумал, что могут сплести, а деньги хорошие платили. Ну и терпел. Старался в глаза им не смотреть, а в сторону, даже когда говорил или спрашивали чего. Они в глаза, а я мимо...

Мне на жизнь не хватает, пенсия никакая, а недавно в телевизоре увидел, был у нас такой, отвечал за секретность, все с папочкой ходил, во все углы заглядывал, шарил. Выспрашивал, кто да что, не видел ли, не слышал ли, может, чего заметил. А я вроде как не понимаю, чего он добивается. Себе дороже. Никак нет, говорю, все в порядке. А теперь по телику выступает, до генерала дослужился, а такой же бледный и глаза белые, и вроде как совсем не переменялся. Почетный пенсионер. Я ему письмо отписал, так, мол, и так, живу не ахти, вспоминаю общие годы совместной службы, жду ответа. Да думаю, не ответит, не по чину, что я против него...

...Наш объект режимный был. Охрана, колючая проволока, на территорию мышь не проскочит. Их выпускали в сад каждый день и зимой, и летом. Мария рылась в земле, выкапывала жуков, сидела, рассматривала, говорила сама с собой. Мальчишки собирались вместе, голова к голове, шептались о чем-то, вроде как прятались. Учитель поглядывал, но не вмешивался. Что-то писал в тетрадке. А однажды я видел, как один из них, не знаю который — я их не различал, — поднял руки кверху, пальцы растопырил, как когти, и вдруг смотрю — камень из земли выпростывается, поднимается в воздух и висит там, а потом падает назад. Тяжелый, так и шмякнулся! Я глаза протер, а потом зырк на Учителя, видел ли, а того аж перекосило — видел, конечно, видел! Тетрадка на коленях лежит, ручка на землю упала, застыл как неживой, шевельнуться боится. Я отвернулся — не дай бог увидит, что я заметил.

Любимая игрушка Создателя

Старик надолго замолкает. Он устал, возбуждение угасло. Ему хочется прилечь. Гость снова наливает водки. Старик мотает головой — хватит! Колеблется, потом все-таки опрокидывает стакан, утирается рукой. Сидит, повесив голову, забыв о госте.

— Что было потом? — спрашивает журналист.

Старик поднимает голову и бессмысленно смотрит на молодого человека. Пожимает плечами.

— Не помню, — бормочет. — Меня потом уволили в запас. Главный помер прямо в лаборатории, Учитель ушел то ли по своей воле, то ли нет... Не знаю. Всякое болтали. Хозяйка тоже ушла, даже не попрощалась. Так и не видел больше никого. Да и не хотелось, скажу тебе. Если честно, себе дороже. Ты первый, кому рассказал...

— А дети?

— Дети? — Старик смотрит на журналиста бессмысленным взглядом. — Дети... Один помер, с утра увели в лабораторию и больше не вернулся. Хозяйка говорила, что сердце не выдержало. А потом и Главный помер, через два или три дня следом. Хозяйка говорила, неспроста это. И этот, с папочкой, безвылазно сидел, выпрашивал, записывал на магнитофон, маленький такой, как коробок от спичек.

— Как его фамилия?

— Кого? — не понимает старик. — Кого?

— С папочкой.

— А... этот. — Старик жует губами. — Этот... генерал Колобов... вроде. Или как-то похоже. У меня записано. Персональный пенсионер...

— А что ж в них было такого страшного?

— Да нелюди ж! Их же в лаборатории сделали, опыты ставили! Вроде как все при них, на других детей похожи, а только не люди, а дьявольское отродье, все про тебя знали, ничего не утаить. И подчинить могли, и заставить делать, чего не хочешь, и забыть, и глаз замылить. И похожи друг с другом, как с конвейера, не отличишь. Хозяйка подслушала,